

Отзыв

официального оппонента

о диссертации Чиварзиной Александры Игоревны

“Система цветообозначений в балканославянских языках в сопоставлении с албанским и румынским (этнолингвистический аспект)”,

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук 10.02.03
– славянские языки

Наряду с размером, формой, возрастом, цвет относится к базовым признакам, выражаемым в лексике, что делает тему цвета очень популярной в разных направлениях лингвистики. В рецензируемой работе проблема языкового выражения цвета рассматривается на материале балканских языков (славянских: македонского, болгарского, сербского и неславянских: румынского и албанского) методом лексико-семантического и этнолингвистического анализа. Типологический балканистический ракурс, то есть рассмотрение языковых особенностей балканославянских языков в кругу других балканских, дающее возможность выявить общебалканские особенности и противопоставления внутри балканского мира, делает работу чрезвычайно значимой.

По своему предмету и методу рецензируемая работа относится к балканославянской (балканской) лексикологии и «узкой» этнолингвистике, которая своим главным объектом изучения имеет лексику. И балканская лексикология, и «узкая» этнолингвистика представлены сравнительно небольшим числом исследований, и рассматриваемая работа вносит в них существенный вклад, расширяя научное знание об особенностях лексического членения мира в балканской культуре и культурной символике цветовых признаков.

Работа проведена с применением современных методов исследования лексического материала, в том числе анкетирования диалектоносителей в полевых условиях. Использование этого метода применительно к исследованию базовой, нетерминологической лексики диалекта хотелось бы особенно поприветствовать, поскольку полевые исследования в области диалектной лексической семантики и лексической типологии очень редко встречаются в славистике, хотя очень много проясняют в диалектной картине мира.

Диссертация состоит из Введения, двух глав, заключения и приложения.

Во «Введении», помимо предмета, методов, задач и характеристики источников, содержится обзор литературы по исследуемому вопросу. Рассматривается биоллингвистическая теория цвета Б. Берлина и П. Кея, чей тезис о семи этапах эволюции цветообозначений является одним из основополагающих для рецензируемой

работы; критика данной теории А.Вежбицкой; исследования цвета в балканских языках (М.Ивич, М.Рачева, И.А.Седакова, О.Яшар-Настева, В. Фридман, А.Ю.Русаков, А.Биду-Врачану).

Первая глава диссертации содержит описание лексического выражения цветов спектра в балканских языках. Для каждого из цветов приводится лексическая парадигма по языкам и, в случае наличия таковой, внутриязыковая парадигма, этимология названия, иногда вторичные значения, дериваты (названия животных, растений), семантика в обрядах и магических действиях. Большое внимание уделяется специфике албанского языка, который хотя и представлен в заглавии диссертации как «фондовый», занимает в ней не меньшее место, чем македонский и другие славянские. Все наблюдения и выводы автора представляются интересными и обоснованными.

Во второй главе, наиболее объемной и, как мне кажется, основной в диссертации, представлен анализ сравнительных оборотов, содержащих цветообозначения. Фактически в данной главе диссертации на обширном языковом, текстовом и этнографическом материале воссоздаются концепты цветов в народной балканской культуре и показывается преемственность в содержании этих концептов от народной культуры к элитарной. Глава разделена на параграфы, каждый из которых посвящен отдельному цвету. В каждом параграфе выделяются прототипические носители цвета, через которые цвет описывается в словарных дефинициях; приводятся сравнения, диалектные и литературные, общепринятые и авторские, они классифицируются по значению, реализуемому названием цвета в данном обороте (прямому или переносному), по объекту и субъекту сравнения. Далее автор для обнаруженных смысловых связей (например, «белый» – «снег», «белое» – «молоко») приводит этнокультурные параллели, то есть примеры обрядовых действий, иллюстрирующие эти связи. Эта часть диссертации представляется особенно значимой: автор на примере акционального и предметного кода очень хорошо показывает, что может быть белым, красным и т. д. в народной культуре. Многие народные обычаи основаны на установлении связи предметов, которые являются белыми, красными и т.д. и которые должны быть таковыми согласно норме. Используя лингвистический термин, это культурное явление можно назвать сочетаемостью цветовых признаков и объектов в народной культуре, что имеет принципиальное значение для реконструкции культурной семантики. Помимо того, что сравнения позволяют выявить, что и как в балканской модели мира обычно окрашено, они показывают, на каких объектах фокусируется внимание при цветовой номинации. Складывается впечатление, что

очень часто таким объектом, для которого релевантна цветовая характеристика, является кожа человека. Выявляемые сходства в структуре сравнений в разных балканских языках показывают единство балканского мировидения, причем балканские компаративные обороты, во всяком случае по сравнению с русским языком, обладают яркой индивидуальностью (см. сравнения с айвой, сыром, бессмертником, сливой, морковью). Среди важных с нашей точки зрения выводов ко второй главе отметим следующее: «вторичные» цвета редко используются в сравнительных оборотах, то есть не обладают экспрессией; субъектом сравнения обычно является внешний вид человека; в качестве объектов сравнения выступают предметы, характеризующие балканский быт.

Третья, достаточно краткая глава посвящена анализу употребления колоронимов в благопожеланиях и проклятиях, в которых колоронимы часто усиливают экспрессивность высказывания. Из цветовых обозначений в этих текстах встречаются преимущественно названия белого и черного.

Удачным представляется заключение к диссертации, четко отражающее результаты работы. Как наиболее важные с нашей точки зрения отметим следующие, демонстрирующие общность и различие в лексических системах балканских языков: 1) выявлена иерархия цветообозначений в языках балканского языкового союза (доминантами во всех рассмотренных языках являются белый, черный и красный цвета); 2) выявлен общий «цветовой» словарь всех балканских языков, общепалканские закономерности в развитии полисемии и в мотивации цветообозначений; продемонстрирован обмен колоронимами между балканскими языками; 3) обнаружена специфика, или, как пишет автор, «уникальность» албанского языка в плане цветообозначений: конкретность лексем и архаичность их семантического устройства (ср. следы общности семантики желтого и зеленого); 4) отмечена такая универсалия, как наличие «вспомогательных подмножеств» в системе колоронимов, то есть особых обозначений для цвета кожи, волос, масти, окраса животных; 5) отмечена дублетность в системе колоронимов, вызванная ситуаций языкового контакта; 6) констатируется особая близость румынских и албанских цветообозначений; промежуточное положение македонской системы между сербской и болгарской; близость призренско-тимокской системы к македонско-болгарской; единство балканославянской системы.

В диссертации имеется приложение из пяти частей. Самостоятельную и значительную ценность представляет собой Приложение 4 «Словарь сравнительных оборотов с колоративным компонентом». В этом приложении на 25 страницах

представлены собранные автором сравнительные обороты, сгруппированные по названиям цветов, а внутри названий по языкам. Парадигмы сравнительных оборотов наглядно показывают, какие объекты в балканском сознании являются прототипическими носителями тех или иных цветовых или метафорических признаков. Кроме этого, словарь хорошо демонстрирует количественные характеристики использования сравнительных оборотов (в балканославянских языках их больше, чем в албанском и румынском). Заметим попутно, что по некоторым наблюдениям в призренско-тимокских говорах сравнительные обороты особенно частотны в речи по сравнению с другими сербскими говорами. Об этом, в частности, свидетельствуют тексты В.Йович, сербской писательницы, использующей в своих произведениях сврлижско-запльаньский говор. Большой интерес представляет и сводный индекс балканских цветообозначений, содержащийся в Приложении 5.

Список учтенной автором литературы свидетельствует о его высоком профессионализме и хорошем знакомстве с англоязычными исследованиями. В этот список можно было бы, правда, внести несколько дополнений. Представляется, что было бы желательным учесть работы Е.В. Рахилиной, которая в известной книге «Когнитивный анализ предметных имен» посвятила цветообозначениям целую главу и критически разобрала теорию Берлина и Кея. Хотя это исследование Е.В.Рахилиной написано на русском материале, оно имеет большое общетеоретическое значение. В частности, в нем постулируется, что употребление цветообозначений регулируется не только нашим видением, связанным с длиной световой волны, но и внутриязыковыми правилами сочетаемости слов. Также можно было бы учесть польский лексико-типологический проект, отраженный в сборнике *Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne*, монографию Р.М.Фрумкиной «Цвет, смысл, сходство», А.П.Василевича «Цвет и названия цвета в русском языке».

Некоторые положения работы требуют уточнения. Сформулирую возникшие вопросы, которые частично появились вследствие принятой в диссертации сжатой манеры изложения.

1. Как проводился сбор лексического материала или, другими словами, как выявлена система цветообозначений в исследуемых языках? Методом сплошной выборки или каким-то иным способом? Насколько полным является круг анализируемых лексем?
2. Как автор решает вопрос о месте сербского материала в исследовательском корпусе? В работе в качестве источника используется однотомный словарь сербского

литературного языка Матицы Сербской и несколько диалектных словарей призренско-тимокской зоны. Возникает некоторое противоречие: используя материал литературного языка, автор указывает на принадлежность всего сербского ареала к балканскому, но в то же время из диалектного материала использует только материал балканизированных диалектов. Обосновано ли отсутствие среди лексикографических источников первого издания словаря Караджича, говор которого тоже в той или иной степени репрезентирует балканизированный лексический тип, хотя и не испытал значительного балканского влияния на грамматическую структуру?

3. Как решается вопрос о соотношении литературного и диалектного материала (прежде всего во второй главе)? Рассматриваются ли элитарная и традиционная культуры как единство?
4. Позволяют ли источники проследить в обрядовых и магических действиях способ лексического выражения интересующего признака? При реконструкции культурной семантики синего в работе не называются лексемы, которые носители традиции используют применительно к предметам в контексте того или иного обрядового или магического действия, и автор оперирует только русским названием признака. Однако, по верному замечанию автора, «лексемы, закрепленные за обозначением предметов, связанных по народным представлениям с потусторонним миром, не могли стать основными обозначениями для «цвета неба»» (с. 61). Представляется существенным при описании символики признаков учитывать, что разные лексемы могут иметь разные коннотации, которые влияют на эту символику. Существующие в сербских говорах лексемы для обозначения синего, *плав*, *плаветан* и *модар* выражая один и тот же признак (ср. *у лицу је био модар, усне плаветне* (Дж. Якшич), также и в словарной дефиниции РМС *плав=модар*), имеют противоположные коннотации. *Модар*, как справедливо отмечает автор диссертации, связывается с болезнью и смертью, а *плав*, *плаветан*, напротив, выражают положительную коннотацию – возвышенного, небесного.
5. В работе подробно описываются дериваты цветообозначений, называющие домашних животных, реже растений, болезней и др. Какое место занимают эти номинации среди прочих цветовых номинаций объектов окружающего мира? Каковы денотативные поля каждого цвета? Верен ли вывод читателя о доминировании домашних животных в этом поле?

В заключение выскажу некоторые замечания.

1. Основное замечание касается встречающейся местами недостаточной ясности и сжатости изложения. В работе остается много недосказанного. Например, в разделе о сравнительных оборотах упомянуто, что материал собирался «методом сплошной выборки из ... словарей, публицистических и художественных текстов» (с. 77). Возникает вопрос, какие именно словари и тексты были просмотрены полностью? Их можно восстановить на основании приводимых ссылок, но остается неясным критерий отбора этих текстов. К сожалению, иногда не приводятся примеры, иллюстрирующие то или иное положение. Например, на с. 86 указывается, что «в использовании белого цвета читается сравнение «белый, как рай»; «белый, как счастье»», но иллюстраций к этому положению не приводится, хотя далее, на с. 95 такие контексты отмечены. Во второй главе недостаточно четко разграничены общераспространенные и окказиональные сравнения, так же, как и народные, и авторские. Устойчивость сравнения «красный как рак» более-менее очевидна для русскоязычного читателя, а каков статус сравнений «красный, как перец, как черешня», остается неясным. При анализе сравнительных конструкций с красным цветом в работе приводится синонимический ряд обозначений этого цвета турецкого происхождения от корня *ал-*. В первой же главе такой ряд не приводится, хотя это было бы естественно. На с. 111 автор ссылается на обряд откупа от умершего близнеца и отмечает, что в этом обряде противопоставляются белый и желтый цвета. При этом в приведенной обрядовой формуле (*Ja теби жут / бели цвет, а ти мени бели свет*), учитывая вариативность *бели/жут*, представлено не только противопоставление, но и синонимизация этих цветовых признаков. Есть стилистические погрешности и предложения с отсутствующей существенной частью: ср. «Проклятия же высказываются как агрессия в конфликтной ситуации» (с. 146); «Полнее всего представлен материал балканославянских языков» (где представлен?), «серьезная теоретическая база была создана благодаря...» (база чего? (с. 147), «наличие подобных выражений является примером функционирования не только оппозиции белый/черный, но и чистый/нечистый» (функционирования где?) (с. 150). Спорным кажется перевод словосочетания *бел свет* в тексте *Бел свет да не видиши* как «мир, общество».

2. Встречаются повторы. Ср. на с. 32 и с. 95 идентичные пассажи об использовании черной и белой нити в погребальном обряде, с. 51 и с. 111 – о лечении желтухи.

Все высказанные пожелания, замечания и вопросы не носят критического характера и не в коей мере не умаляют научной значимости работы и высокой оценки проведенного диссертантом исследования. Автореферат и публикации отражают

содержание работы, диссертация полностью соответствует всем требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции Постановления Российской Федерации от 28 августа 2017 г. № 1024), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а автор диссертации Чиварзина Александра Игоревна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.03 – славянские языки.

Доктор филологических наук,
Доцент Московского государственного университета
им. М.В.Ломоносова

Е.И. Якушкина

6 июня 2022 г.

Подпись заверяю

секретарь декана Оксана Клемина АМ

Сведения об оппоненте

Якушкина Екатерина Ивановна, доктор филологических наук
(специальность 10.02.03 - славянские языки)

Эл. адрес: jkatia@yandex.ru

Почтовый адрес: 125412, Москва, ул. Ангарская 57-3-2

Тел. 81969628613

Сведения об организации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Адрес: 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1,

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Телефон: +7 (495) 939-10-00

WWW: www.msu.ru E-mail: info@rector.msu.ru